

ЕВГЕНИЙ ЗНАЧИТ «БЛАГОРОДНЫЙ»

*Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает*

К.М. Симонов

Не раз и не два приходилось писать мне поздравления Жене к юбилеям, и так легко было находить нужные слова. А вот сейчас, говоря по-старомодному, взялся за перо, но слова подбираются с большим трудом, поскольку все изменилось: Жени больше нет.

Леонид Утесов как-то сказал, что у нас нет незаменимых, но есть неповторимые, и к Жене это относится стократно. И дело не только в том, что он был выдающимся исследователем Древнего Рима, которым занимаются у нас немногие. Это был Человек с большой буквы, которого отличали порядочность, чувство прекрасного, глубокий ум, готовность помочь. Он полностью соответствовал своему имени. Человек, готовый, если считал нужным, отдать всего себя, но никогда и ни за что не взять чужого. Вокруг него всегда собирались хорошие люди, его небогатое жилище столько раз бывало и триклинием, и салоном, и домом проксена. Его кулинарное искусство не уступало умению проникать в глубины древности. Не сочиняя стихов, он при этом чувствовал их порой тоньше иных филологов и мог цитировать творения поэтов бесконечно, вызывая у меня белую зависть. Мало кто, как он, знал и понимал русскую классику, перечитывая ее целыми томами и

* На фото А.В. Короленков и Е.В. Смыков, Саратов, 2014 г.

находя истинное удовольствие в приобретении собраний сочинений русских писателей. Книгу он любил самозабвенно, тратя на нее последние деньги, и немалого труда стоило подарить ему что-нибудь из желаемого, убедив, будто она и дарителю досталась безденежно.

Женя был цельной натурой, а с такими людьми обычно нелегко общаться. Но, благодаря своей глубокой человеческой мудрости, он являл собой счастливое исключение. Да, мог и накричать из-за пустяков, и впасть в угрюмость из-за очередного безобразия, которое преподносит нам жизнь, грозиться бросить науку, но почти всегда быстро приходил в себя и делал дело. Он не просто знал прошлое (отнюдь не только римское), но и умел заронить интерес к нему, да так, что находились готовые посвятить себя изучению античности, а это в наше время, не слишком располагающее к занятиям наукой, дорого стоит. Ученников у него было не так уж много, но *multi enim sunt vocati, rausi vero electi*.

Однако дело не ограничивалось его верными учениками – он не жалел сил не только на науку, но и на куда менее благодарную работу со студентами, далеко не всегда разделявшими его отношение к делу. Этому он научился во многом у незабвенной Таисии Павловны Кац, которую всегда глубоко чтил и считал образцом преподавателя. Сколько дней и ночей читал и перечитывал курсовые и дипломные, правя и фактуру, и стиль, и сноски, ругая их нерадивых авторов, порой и хвалил, из миллионов тонн словесной руды выделяя то, что заслуживало внимания.

Женя одно время любил говорить: «Я – человек толпы». Это, конечно, не так, скорее, он был человеком, умевшим собирать вокруг себя других, но не слившимся с толпой. При этом, однако, для написания чего-то нового порой приходилось «собирать» его самого, и это себя всегда оправдывало. У него нет ни одной книжки, на которой значилось бы только его имя, но те, которые вышли в соавторстве с ним, без него, понятно, не состоялись бы, да и написанные им части были превосходны. И та статья в «Вестнике древней истории», которая вот-вот увидит свет, также написана им совместно – прощальный дар последней его ученице и науке.

Женя – это явление культуры. Шестое чудо света, Коллес Родосский, простоял шесть десятилетий, и лишь чуть больше прожил Евгений. Порой считают, что в руке статуи Гелиоса был огонь, светивший морякам, но точно этого мы не знаем, а вот про Женю так можно сказать без сомнения: он светил всем, кто его любил. Будет светить и дальше.

A.B. Короленков